

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ КОТОЧКА	13
ГЛАВА ВТОРАЯ ОРЛОВСКИЙ ГЕРЦОГ	59
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ОН, ОНА И ВОДКА	97
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДНИ ЕГО ЖИЗНИ	159
ГЛАВА ПЯТАЯ ДАМА ШУРА	203
ГЛАВА ШЕСТАЯ ГОРЬКИЙ И ДРУГИЕ	273
ЭПИЛОГ ГЕРЦОГ ЛОРЕНЦО	363
Краткая библиография	380

Он пугает, а мне не страшно.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

*Я не боюсь того, чем Андреев
меня пугает; но боюсь, чтоб
он сам не испугался, как дети,
которым однажды, во время
игры в черта, явился черт.*

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1990-х годов, уже перешагнув тридцатилетний рубеж жизни, я вдруг надумал креститься.

Но как прийти в церковь самому? К кому обратиться, что говорить? И тогда одна моя знакомая обратилась за помощью к Алле Александровне Андреевой, вдове поэта и мистика Даниила Андреева, автора трактата “Роза мира”, который в начале девяностых был впервые издан, пользовался огромным успехом и горячо обсуждался в среде интеллектуалов. Я этой “Розы мира” тогда еще не читал, а вот творчеством отца ее создателя, Леонида Андреева, как раз занимался вплотную, работая над кандидатской диссертацией на тему “Максим Горький и Леонид Андреев”.

Совпадение показалось мне знаковым. Я почувствовал, что в Церковь иду неслучайно.

Алла Александровна жила на улице Неждановой, ныне Брюсов переулок, идущий от Большой Никитской до Тверской улицы между Вознесенским и Газет-

ным переулками. Встретились мы у входа в храм Воскресения Словоущего, где она сдала меня в руки благообразного молодого священника с аккуратно постриженной бородой и в очках с изящной оправой (почему-то я подмечал эти мелочи).

Крестящихся было четверо: я, пожилой мужчина, девушка и младенец на руках крестной мамы. Младенец отчаянно кричал, когда его погружали в купель, а девушка один раз упала в обморок. Мы с мужчиной держали себя сурово и сдержанно, как, мы думали, и подобает моменту.

Не знаю — почему, но вдова Андреева назначила дату 2 января. В это время обычно отходят от новогоднего похмелья, но я, конечно, готовился и был в порядке. И вдруг в самом начале обряда священник радостно воскликнул:

— Вам невероятно повезло! Вы креститесь в день памяти великого святого и праведного отца Иоанна Кронштадтского!

По правде говоря, я не знал, кто это, но имя запомнил. Тогда мне и в голову не могло прийти, что спустя двадцать лет отец Иоанн станет героем моей книги “Святой против Льва” о духовном конфликте Льва Толстого и русской Церкви.

Потом мы сидели на кухне в уютной квартире Аллы Александровны, скромно отмечали мой праздник и говорили о Данииле Андрееве. Она рассказывала, как, выходя после посещений своего мужа из Владимирской тюрьмы, тайно частями выносила ру-

копись “Розы мира”. То есть писать ему разрешалось, а передавать рукопись на волю — нет. Честно говоря, тогда все это мне казалось какой-то сказкой. Может быть, под влиянием только что совершенного обряда, воздействие которого я чувствовал не только нравственно, но и физически.

Когда я уходил от Аллы Александровны, я вдруг подумал: а ведь я находился через одно рукопожатие со знаменитым теософом, через два — с Леонидом Андреевым и Горьким, который был крестным отцом Даниила, и через три — с Толстым и Чеховым, с которыми общались Горький и Андреев.

И разве это не чудо?

Диссертацию “Горький и Андреев” я так и не написал. Но о Горьком написал “Страсти по Максиму”, где есть большая глава об Андрееве. Толстым, кажется, занимаюсь всю жизнь. Об Иоанне Кронштадтском часто думаю, но боюсь, что никогда не смогу его понять.

Наверное, эта книга — дань памяти тому январскому дню, который я крепко запомнил. Наверное, однажды мне необходимо было написать книгу о Леониде Андрееве...

Без него мой личный список был бы неполным.

Эта книга не является исчерпывающей биографией Леонида Андреева. Я подробно исследую ранний период его жизни, примерно до того возраста, когда я познакомился с вдовой его сына. О дальнейшей его биографии сообщаю коротко, не потому что она мне

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ

неинтересна, а потому что в ней много такого, что я не вполне понимаю. Тех, кто хотел бы полностью ознакомиться с его судьбой, отсылаю к работам Людмилы Кен и Леонида Рогова “Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками” (СПб., 2010) и Натальи Скороход “Леонид Андреев” (М., 2013).

Я же написал о том Андрееве, которого люблю, хотя он меня и пугает, и мне, в отличие от Толстого, сказавшего о нем “*он пугает, а мне не страшно*”, — иногда страшно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КОТОЧКА

ДВА АНДРЕЕВЫХ

В обстоятельствах рождения и первых лет жизни Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) ничто не предвещало, что этот обычный мальчик, родившийся в орловской мещанской семье, в будущем станет автором рассказов “Бездна”, “Стена”, “Тьма”, “Жизнь Василия Фивейского”, “Красный смех”, незаконченного романа “Дневник Сатаны” и других *ужасных* текстов, о которых Лев Толстой в беседе с Максимом Горьким будто бы сказал: “Он пугает, а мне — не страшно”.

Современная Андрееву критика назовет его произведения “отравленной литературой”, будет именовать его “Великим инквизитором”, обвинять в аморальности и порнографии. Корней Чуковский соберет целый словарь критических определений его творчества и самой его личности, расположив их в алфавитном порядке. Приведем самые “яркие” из них: *Абракадабра, Белиберда, Вызывает тошноту, Грязная лужа полового извращения, Дегенерат, Жалкий отщепенец,*

Загаживает человеческую душу, Изувер, Кошунство, Ложь, Мерзкий человек, Набор наигнуснейших слов, Осатанелость, Порнограф, Разбойник пера, Смердное дыхание пошлости, Упадочная глупость, Фальшивые бриллианты, Хулиган, Циник, Шарлатан.

Можно смело утверждать, что ни один из русских писателей не удостоился такой роскошной коллекции критической брани. Но, возможно, и ни один русский автор не имеет такой сплоченной группы преданных поклонников, *леонидандреевцев*. Особенно в среде начинающих писателей, которые “аукаются” его именем как творческим паролем.

... Леонид Андреев родился в хорошей семье. И как во всех семьях, в ней были счастливые и несчастливые дни, светлые и мрачные периоды. Но что неизменно отличало эту семью, так это сердечное отношение ее членов друг к другу. Сошлемся на мнение относительно стороннего человека. “Глубокая привязанность сердца — родовая черта андреевской семьи”, — вспоминала невестка писателя, жена его брата Павла Анна Ивановна Андреева.

Эта привязанность сохранялась на всем протяжении жизни Андреевых, в бедности и богатстве, прозябании и славе. И сам Леонид Николаевич не был в этой дружной семье исключением. Мать, сестер, братьев он всегда нежно любил и заботился о них.

Вообще, Андреева, в отличие от многих творческих личностей, невозможно представить *без семьи*, без постоянного окружения родных людей. Рядом с ним почти всегда кто-то из близких родственников находился. Только однажды он оказался в одиночестве, без близости родни. Это было в начале девяностых годов в Петербурге во время учебы в университете. И этот короткий, чуть больше года, период его жизни стал для него мучительным. Он закончился бегством в Москву и воссоединением с семьей в одной городской квартире.

Как так случилось, что из орловско-московского домоседа, не мыслящего своих будней без самовара на общем столе (самовар его мама, Анастасия Николаевна, привезла ему даже на Капри, и можно вообразить, как этот пузатый тульский самовар путешествовал через половину Европы, а затем морем на экзотический остров), получился бунтарь и ненавистник мещанства во всех проявлениях... кроме, получается, самовара?

Андреев хорошо знал силу привычки. В письме литератору Е.Л.Бернштейну он признался: “Вы правы: я жестокий обыватель. Мне нужен хороший обед, и сон после обеда, и многое другое, без чего прекрасно обходится тот же Горький, отрицающий обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею...”

“Было очень много Андреевых, и каждый был настоящим”, — писал Корней Чуковский.

Попробуем в них разобраться...